

РОЗДІЛ III. ПЕДАГОГІКА ТА ПРОБЛЕМИ ВИЩОЇ ОСВІТИ

*Наумов Д.И., к.соц.н., доцент,
заведующий кафедрой экономической социологии,
Белорусский государственный экономический университет*

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В СОЦИАЛЬНО-
ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

**CONCEPTUALIZATION OF SOCIAL MEMORY IN SOCIAL-HUMANITARIAN
KNOWLEDGE: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT**

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические трактовки социальной памяти, представленные в рамках различных подходов социально-гуманитарного знания.

Ключевые слова: социальная память, культурная память, коллективная память.

Abstract. The article discusses the theoretical interpretations of social memory, which were developed in the framework of various approaches of social and humanitarian knowledge.

Keywords: social memory, cultural memory, collective memory.

Постановка проблемы. В современном социально-гуманитарном знании проблематика социальной памяти является одним из наиболее популярных направлений его развития, охватывающего такие науки, как история, социология, политология, философия, культурология, медиаисследования, психология, лингвистика и т.д. Данное направление, возникнув в период между мировыми войнами, с тех пор не только успешно институционализировалось, но и активно развивается в междисциплинарном формате, объединяя методические подходы и достижения гуманитарных, социальных и естественных наук. В настоящее время в академическом мире хорошо известны как международные научные организации и коллаборации, занимающиеся исследованиями по данному направлению (например, NITMES – Networkin Transnational Memory Studies [3]), так и журналы, предоставляющие исследователям из самых разных стран мира возможность публиковаться по этой проблематике (например, «Testimony Between History and Memory», «Memory Studies», «Journal of Educational Media, Memory, and Society» [1; 2; 4]). Благодаря их деятельности существует возможность выработки и обсуждения теоретических, методологических и эмпирических вопросов, имеющих важное значение для совместного изучения и понимания роли и места феномена

социальной памяти в современных условиях. Так, редакционная политика «Journal of Educational Media, Memory, and Society» [1] ориентирует исследователей на проблематику формирования и легитимации культурной памяти в институциональном, социокультурном, политическом, экономическом и историческом контекстах. При этом особое внимание уделяется традиционными и современными институтами образования и средствами массовой коммуникации, которые в этом процессе производят и ретранслируют соответствующий контент в печатной и цифровой формах.

Современные исследования памяти посвящены самому широкому кругу проблем: феномен массового насилия в истории; формирование и трансляция социальной памяти вне рамок национального государства; определение роли прошлого в конституировании групповых идентичностей; трансформация практик коммеморации под влиянием развития средств массовой коммуникации; выявление роли памяти в социальной мобилизации внутри и за пределами национальных границ. Они нацелены на изучение социальных, культурных, когнитивных, политических и технологических изменений в жизни современного общества, которые кардинально меняют то, как, что и почему люди, группы и сообщества помнят и забывают.

Проблемное поле, которое описывает категория «социальная память», вбирает в себя семейные нарративы, мифологемы, социальные ритуалы, культурные практики, идеологические дискурсы, памятники, что превращает ее в сложный и многоаспектный термин. Такая структурная и смысловая сложность делает возможным оспаривать как теоретические подходы к концептуализации феномена социальной памяти, так и результаты конкретных исследований в рамках данного подхода. Так, объектом критики является использование инструментария возрастной психологии при изучении жизни социальных сообществ, практики смешения категорий из разных дисциплинарных сфер в рамках одного исследования, нечеткость определения объема и содержания понятий.

Однако исследование взаимодействия настоящего и прошлого в социокультурном контексте (способов осмысления и репрезентации прошлого, конструирования идентичностей, визуализации памяти и т.д.), что фактически является основной задачей этого междисциплинарного исследовательского проекта, позволяет более четко выявить роль субъективного фактора конституирования исторического процесса. Для организации и проведения подобного исследования необходима соответствующая компетентность, что актуализирует рассмотрения вопроса о содержании теоретических трактовок социальной памяти, представленных в рамках различных подходов социально-гуманитарного знания.

Анализ последних исследований и публикаций. В историческом ракурсе исследования проблематики социальной памяти восходит к работам классиков мировой социологии Э. Дюркгейм и М. Вебер, которые фактически заложили теоретико-методологическую основу данного научного направления. Современные исследования, активно развивающиеся на Западе, посвящены целому комплексу проблем и вопросов методологического и прикладного характера, с которыми

сталкиваются специалисты разных сфер научного знания (P. Aguilar, J. Byrne, W. Cronon, R. Harmsen, A. Hoskins, A. Erll, H.L. Roediger, M. Spiering, E. Tulving, J.V. Wertsch, T. Wilson и др.).

В психологии исследовательское внимание фокусируется на таких вопросах, как память меняется с возрастом, как функционируют механизмы формирования краткосрочной и долгосрочной памяти, как обучение влияет на эффективность запоминания или забывания, как и почему травмирующие события способствуют нарушению функционирования памяти. В рамках нейробиологии изучаются мозговые структуры, лежащие в основе различных форм памяти, процессы активизации нейронов при кодировке и запоминании событий головным мозгом, нарушения памяти из-за заболеваний головного мозга. Изучение феномена памяти, как основы рационального поведения, является актуальной задачей для специалистов, разрабатывающих кибернетические системы на основе искусственного интеллекта. В теоретическом аспекте представляет интерес проблема дифференциации памяти на различные виды, их параметры и особенности, что позволило поставить вопрос о возможности гипотетического существования 256 видов памяти (слуховая, распределенная, ложная, произвольная, моторная, бессознательная и другие разновидности памяти) [5, с. 39-52].

В гуманитарных и социальных науках обращение к феномену социальной памяти обусловлено задачей выявления роли и места объективных факторов и субъективных феноменов в различных социальных практиках и процессах. Так, в истории апелляция к социальной памяти используется в случае необходимости проверки достоверности документальных источников, мемуаров, описаний исторических событий очевидцев и т.д. В этнологии она позволяет расширить представление о содержании субкультурных практик и мифологических представлений различных сообществ, о специфике конструирования этноконфессиональных нарративов. Для культурологии и литературоведения интерес представляют вопросы о включенности национальных нарративов в литературную традицию и в культуру того или иного сообщества, об их роли в конструировании не только образов исторического прошлого, но и воображаемого будущего. В политологии и политической социологии интерес представляет проблематика инструментализации памяти, обусловленная тем, что социальная дифференциация и политическая власть формируют представления о прошлом. Во-первых, речь идет о случаях, когда коллективная мобилизация осуществляется посредством апелляции к образам прошлого или будущего (например, обращение к метафоре «золотого века»). Во-вторых, о ситуациях, когда искусственно конструируемые и транслируемые средствами массовой коммуникации коллективные нарративы служат для легитимации власти различных групп элиты. В менеджменте память рассматривается как инструмент формирования корпоративной лояльности и мотивации работников организации, в маркетинге – как средство реализации рекламной кампании.

Таким образом, современные исследования социальной памяти охватывают как области естественных, так и социальных и гуманитарных наук, используя для этого

соответствующие методологические подходы и методы (как качественные, так и количественные). Многообразие методологических принципов и методик исследований социальной памяти актуализируют задачу систематизации теоретических и концептуальных основ данного научного направления.

Формирование целей статьи. Цель данной работы заключается в систематизации теоретических трактовок социальной памяти, возникших в рамках различных подходов социально-гуманитарного знания.

Изложение основного материала исследования. В современном социально-гуманитарном знании можно выделить несколько теоретико-методологических подходов к интерпретации проблематики социальной памяти, которые различаются между собой в методологическом и смысловом аспектах.

Структурно-функциональный подход является формой социологической концептуализации проблематики социальной памяти, который в теоретическом плане восходит к работе Мориса Хальбвакса «Социальные рамки памяти» [9]. В ней французский исследователь теоретически обосновал связь между социальной группой и коллективной памятью, которую в функциональном аспекте он рассматривал в качестве фактора поддержания чувства солидарности, устойчивости и единства сообщества. В центре структурно-функционального подхода находится интегрирующая функция памяти, которая для сообщества является коллективным темпоральным ориентиром, позволяющим нации сохранять историческую преемственность во времени и пространстве. Именно социальная память позволяет определить генезис сообщества, цели и трактовку текущего положения дел, создавая исторический нарратив, в рамках которого индивидуальная идентичность вбирает в себя эмпирические схемы, основанные на коллективных представлениях о прошлом, настоящем и будущем. Фактически для общества социальная память является особым механизмом, посредством которого фиксируются его прошлые состояния, а также обеспечивается воспроизводство сложившихся типов общественных отношений и социальных практик.

В фокусе изучения представителей социально-психологического подхода лежат психические явления, носителем которых является индивид, включенный в пространство конфликтогенной совместной жизни с другими людьми. Поэтому в психоаналитическом дискурсе данный феномен рассматривается как результат психологического конфликта, а проблемы памяти и феномен забвения интерпретируется как процессы вытеснения из сознания травмирующих впечатлений и образов. В рамках данного подхода основной акцент делается на коллективной памяти, которая рассматривается в качестве базового элемента социальной жизни человека. Она имеет социальный характер и характеризует фундаментальные основания социальной жизнедеятельности общества. Однако социальные и технологические изменения новейшего времени ставят под вопрос такую субстанциональную трактовку памяти, т.к. они радикально меняют социокультурную ткань общества. В новых условиях социальная память теряет свою статичность и начинает трансформироваться под воздействием информационно-коммуникационных

технологий, медийных дискурсов, непосредственного контекста и постоянно меняющейся социальной среды.

Феноменологический подход актуализирует взаимосвязь между социальными воспоминаниями и жизненным миром человека. Жизненный опыт человека, его биография и достижения в различных сферах жизнедеятельности выступают в качестве детерминант индивидуального поведения. Функциональное значение социальной памяти определяется ее ролью в конструировании социальной реальности, во встраивании индивидуального бытия в общий контекст социального опыта. Ведь в результате взаимодействия индивида с другими людьми образуются общие воспоминания, которые имеют социальный характер и являются залогом поддержания социальной коммуникации. Поэтому в рамках данного подхода контекстуализм является основным методологическим принципом изучения и объяснения социальной реальности.

В рамках информационного подхода социальная память рассматривается в качестве ретроспективного типа социальной информации, который представляет собой совокупность знаний, а также искусственно образованных социально-культурных средств и систем обработки, хранения и трансляции информации. Такая информационная система представляет собой теоретически обобщенный и зафиксированный посредством специальной знаковой системы коллективный опыт человечества. Она включает в себя три формы социальной информации: оперативную, перспективную и ретроспективную. При этом оперативная и ретроспективная формы существования социальной информации объективируются в соответствующих компонентах социальной памяти – оперативной памяти и долговременной памяти. Соответственно, в качестве основных процессов социальной памяти выступают: запоминание, сохранение, забывание и восстановление социальной информации.

В целом, коллективный опыт человечества, как содержательная основа данной информационной системы, во-первых, состоит как из институтов, осуществляющих преемственность прошлого и настоящего, представляющих собой совокупность организаций, ответственных за передачу материальных и духовных ценностей. Во-вторых, память рассматривается в качестве сложной информационной системы, выступающей как комплекс знаний и информации о мире, зафиксированных в социальных нормах и отношениях, в артефактах материальной культуры. В-третьих, память является разновидностью социокультурной деятельности, направленной на воспроизводство существующих образцов поведения и восприятия посредством кодирования и декодирования культурных паттернов и иной информации. Память воспроизводится с помощью культурных традиций и является основой как для формирования психики и сознания индивида, живущего в определенных социальных и исторических рамках, так и для практической и познавательной деятельности людей. При этом ретроспективная информация актуализируется в общественном сознании, если текущее состояние общества начинает ассоциироваться с какими-то историческими этапами его развития. Особенно сильно это проявляется в случае

крупных социальных кризисов и потрясений, которые выступают в качестве социокультурного катализатора для коммеморативных процессов.

Однако прогресс в сфере информационно-коммуникационных технологий и создание глобальной медиасреды парадоксальным образом меняет природу социальной памяти, механизмы ее воспроизводства и трансляции. В гносеологическом плане это создает проблемы для понимания того, как прошлое в современных условиях становится актуальным для отдельных людей, групп и организованных сообществ. Ведь благодаря интернету возникла техническая возможность не только любой факт прошлого делать объектом рефлексии, но и тиражировать индивидуальные оценки и интерпретации, превращая их в компонент коллективных дискурсов о прошлом. Теоретическим решением возникшей проблемы, позволяющим выявить роль, которую в эпоху глобализации для индивидуальных и локальных форм запоминания играют средства массовой коммуникации (прежде всего, электронные медиа), стала концепция транскультурной памяти [6].

Для представителей культурно-семиотического подхода социальная память рассматривается как культурный продукт, который имеет текстовую природу и представлен совокупностью канонических текстов и способов их декодирования. Память в этой трактовке выступает как надиндивидуальное семантическое и семиотическое образование, составная часть пространства семиосферы и фактор множественных социальных коммуникаций. Это некоторое пространство размещения знаков и символов, для нормального существования которого необходимы как универсальные правила их записи и чтения, так и индивид, способный раскрывать их утилитарные и символические значения. В такой трактовке социальная память выступает как опосредованная знаковыми системами реконструктивная форма сохранения исторического прошлого, который в любой момент может быть актуализирован в политических, идеологических, познавательных и образовательных целях.

Память в обществе аккумулируется и транслируется посредством средств массовой коммуникации, создающих общие смысловые рамки для индивидуальных траекторий существования. В общем культурном пространстве социума память образует различные смысловые поля, которые генетически и функционально взаимосвязаны между собой. Она пластична и обладает способностью исторически изменяться, формируя в сообществе различные типы представлений о прошлом. Это позволяет рассматривать прошлое в качестве коллективно сформированного (или коллективно прожитого) феномена, который оказывает влияние как на конструирование идентичности самого индивида, так и на формирование и трансформацию коллективных идентичностей.

В качестве примера подобной трактовки социальной памяти можно рассматривать теорию, разработанную немецким египтологом и историком культуры Яном Ассманом. Немецкий исследователь сфокусировал внимание на коллективной памяти, благодаря которой «мир повседневности дополняется, или расширяется, измерением отвергнутого и потенциального, так что память возмещает урон,

претерпеваемый бытием от повседневности» [7, с. 60].

В структуре социальной памяти он выделил два различных составных элемента, различающихся между собой содержательно и функционально: культурную память и коммуникативную память.

С точки зрения исследователя, культурная память позволяет обеспечить культурную фиксацию определенных моментов в историческом прошлом сообщества. В качестве инструментов для этого процесса используются канонические тексты, культурные практики, устойчивые объективации, коммеморацию и символические кодировки. Культурная память характеризуется сакральностью, мифологичностью и определенной символической закрытостью для профанов. Как метафорически писал Я. Ассман, она «не распространяется сама собою, а нуждается для этого в специальной заботе» [7, с. 57]. Это предполагает наличие как особых границ, для преодоления которых необходимо подтверждение своей компетентности или принадлежности к посвященным, так и носителей (эксперты, священнослужители, учителя, ученые, писатели и др.).

Коммуникативная память является особым типом коллективной памяти, который имеет специфичную природу появления и развития. Она формируется в контексте межличностного взаимодействия в повседневной жизни, непосредственного социального опыта и личных воспоминаний. Типичным примером здесь выступает память поколения, которая «возникает во времени и проходит вместе с ним, точнее, со своими носителями» [7, с. 52]. Коммуникативная память имеет временный, преходящий характер, она является продуктом определенного социального контекста. Существование коммуникативной памяти как реального социального феномена неразрывно связано с конкретными хронологическими рамками социального бытия соответствующего носителя. Воспроизводство и ретрансляция коллективной памяти возможна только в едином интересубъективном поле поколения, как специфичной социальной группы, самоидентификация которой связана со значимыми историческими событиями. Носителями коммуникативной памяти являются все участники социальной группы, которые ее формируют, артикулируют и поддерживают. В отличие от культурной памяти, она не абстрактна и не воплощена только в институтах, а имеет персонифицированный характер.

Схождение поколения с исторической арены означает радикальную трансформацию коммуникативной памяти, которая становится предметом историографических и политических интерпретаций и реконструкций. В результате она постепенно трансформируется в другой тип социальной памяти. Поэтому продолжительность существования феномена коммуникативной памяти исследователь определяет в 40 лет. Выход за эти временные рамки означает изменение статуса личных воспоминаний, которые становятся основанием для формирования нового этапа письменной традиции сообщества. В этом процессе они лишаются уникальных особенностей и приобретают универсальный характер, становясь основанием для стандартизированных мифологем национальной истории.

Я. Ассман в качестве модели, описывающей качественную специфику обеих

форм социальной памяти, их функциональную взаимосвязь в пространстве культуры определенного социума, предлагает шкалу со следующим набором параметров измерения [7, с. 58]:

- содержание: коммуникативная память характеризует исторический опыт в рамках индивидуальных биографий, а культурная память – мифическую предысторию, событие вне реального контекста и в абсолютном прошлом;

- формы: коммуникативная память неформальна, слабо оформлена, естественна, возникает во взаимодействии, повседневность, в то время как культурная память учреждена, в высокой степени оформлена, существует на основе ритуальной коммуникации и праздника;

- средства: коммуникативная память передается посредством личностного воспоминания в органической памяти, непосредственного опыта и устных рассказов, а культурная память нуждается для этого в устойчивых объективациях, традиционной символической кодировке / инсценировке в слове, образе, танце и пр.;

- временная структура: коммуникативная память существует на протяжении 80-100 лет, временной горизонт распространяется на 3-4 поколения (при этом эти темпоральные рамки сдвигаются вместе с современностью), а культурная память – это абсолютное прошлое мифической древности;

- носители: коммуникативная память характеризуется неспецифическими носителями, в роли которых выступают современники определенной помнящей общности, а культурная память нуждается в специалистах – носителях культурной традиции.

В отношении сущностных характеристик различных типов социальной памяти, как считает Я. Ассман, фундаментальное различие между коммуникативной и культурной памятью «связано с различием между повседневностью и праздником, между профанным и сакральным, между эфемерным и прочно-обосновывающим, между частным и общим, и что это различие как таковое имеет свою историю» [7, с. 61]. Поэтому по-разному конституируются социальные рамки различных типов социальной памяти: коммуникативная память воспринимает прошлое и настоящее как единое смысловое целое, не разделенное никаким временным разрывом, в то время как культурная память предполагает институционализацию, дистанцирование от мира повседневности и устойчивые объективации посредством канонизации исторического прошлого.

Структуралистский и постструктуралистский подходы акцентируют внимание на рассмотрении вневременных структур, пронизывающих все слои социальной реальности, на динамике трансформации памяти в пространственном измерении. В рамках постструктурализма социальная реальность рассматривается как исторически складывающееся и перманентно конституируемое дискурсивное поле. Она выступает как культурно-знаковая среда с изменяющимися принципами функционирования и индивидами, утверждающими свою субъектность через отказ от власти этого дискурсивного пространства. Поэтому здесь происходит элиминирование

темпоральных характеристик памяти и акцентирование пространственных, что позволяет говорить о топологии памяти. Теория фреймов Ирвинга Гофмана фактически является примером экстраполяции методологических принципов и методических инструментов подобных подходов в сферу социологии. Она акцентирует внимание на смысловых структурах повседневного мира, понимание которых обеспечивает адекватная интерпретация социальных фреймов, обеспечивающих «фоновое понимание событий, в которых участвуют воля, целеполагание и разумность – живая деятельность, воплощением которой является человек» [8, с. 82]. В этой картине мира социальная память выступает как смысловой фундамент повседневности, обеспечивая преемственность и осознанность интерпретаций.

Политологические интерпретации проблематики социальной памяти актуализируют практику борьбы за коллективную идентичность, легитимационную и идентификационные функции памяти в обществе. В этом случае особое значение приобретает коллективный носитель социальной памяти (прежде всего, поколение), как та социальная сила, которая сохраняет в общественном сознании в качестве ценностно-значимых определенные исторические события. При таком подходе социальная память рассматривается как сфера взаимодействия конфликтных дискурсов, в которой разворачивается постоянная борьба за установление контроля над ней. Следствием этого является константное генерирование взаимоисключающих друг друга коллективистских нарративов и националистических мифов. Поэтому социальная память является одним из значимых факторов обеспечения стабильности и динамики современного общества, манипуляции с которой несут реальную угрозу для общества.

Выводы. Таким образом, проблематика формирования и трансляции социальной памяти в рамках определенного сообщества является не только популярным объектом научного исследования, но и сложным в плане структуры и содержания феноменом, что актуализирует высокую компетентность в рамках данной парадигмы социально-гуманитарного знания.

Список использованных источников

1. Journal of Educational Media, Memory, and Society. URL: <https://www.berghahnjournals.com/view/journals/jemms/jemms-overview.xml> (date of access: 30.07.2019).
2. Memory Studies. URL: <https://journals.sagepub.com/home/mss> (date of access: 30.07.2019).
3. NITMES – Network in Transnational Memory Studies. URL: <https://nitmes.wp.hum.uu.nl/> (date of access: 28.07.2019).
4. *Testimony Between History and Memory*. URL: <https://journals.openedition.org/temoigner/> (date of access: 08.08.2019).
5. The Foundations of Remembering: Essays in Honor of Henry L. Roediger, III. New York: Psychology Press, 2007. 451 p.
6. Törnquist-Plewa B., Bernsand N., & La Rosa, M. (Eds.) (2017). In Search of

Transcultural Memory in Europe. (CFE Conference Papers Series). Lund: Centre of European Studies at Lund University. 152 p.

7. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

8. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. Пер. с англ. Р.Е. Бумагина, Ю.А. Данилова, А.Д. Ковалева, О.А. Оберемко. Под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. М.: Институт социологии РАН, ФОМ, 2004. 752 с.

9. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.